

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

ОНА, ОВЦА, безраздельно пребывала во власти иллюзий. Он, волк, исследовал только практическую реальность. Ей хватало тепла и света, излучаемого сверху, он хотел не только светить сам, но и гасить звезды. Его не интересовал смысл работы, он просто хотел возглавлять контору, которая что-то там проектирует, а главное — повелевать и царить. Овца не стремилась к вершинам карьеры, она была, как говорится, и малым сыта: только б пить чай с секретаршей директора «Техпроект» и состоять в свете начальника, чего было вполне достаточно для придания значимости ее обыденному существованию. И оба они полагали, что живут по единственно возможному и разумным законам бытия. Ведь и дитяти, чтобы стать на ноги, сначала надо «при» — прислониться, приблизиться, приспособиться. А потом уже, окрепнув, можно и «пре» — преступить, превозмочь, преодолеть. Только вот зачем? Во имя какой цели? И может ли эгоист, приспособленец что-либо созидать и творить? Да и вообще, имеет ли право называться человеком, нам подобным?

Не знаю, ставил ли перед собой именно такие вопросы украинский писатель В. Дрозд, когда работал над повестью «Одинокий волк» («Вітчизна», № 3, 1982), исследуя дебри эгоистических представлений и устремлений своего героя, но они, эти вопросы, возникают перед каждым, кто прочтет историю метаморфоз Андрея Шишиги — то ли человека, то ли волка.

Поэтика В. Дрозда в этом произведении основана на принципе одногослосия — реальный мир мы видим глазами одного персонажа, который как бы «согласился» в течение трех суток полностью сглотить свою душу. Что ж, для художника, если он владеет даром всевиденья и перевоплощения, это прекрасная возможность проникнуть в уголки самых причудливых тайн человеческой души.

В чем же тайна Андрея Шишиги, который до двадцати восьми лет отмаливался на всех собраниях, лишь изредка позволяя себе «кулуарную» иронию, а потом и вовсе с облегчением выбыл из комсомола? Его вроде бы устраивала нехлопотная позиция стороннего наблюдателя. Так почему же после неожиданной смерти помощника директора Петра Харлана он вдруг переметнулся в стан «завоевателей»? Почему бедняга Харлан, так странно умерший от удара головой о мраморные ступени, успел последним движением подвинуть папку именно в его сторону? Может быть, в этой гротескной ситуации был намек: мол, ты такой же, как я...

Шишига быстро перенимает «науку» Харлана: «Гасить плуг и дурак сможет, а делать вид, что тащишь десять сто плугов, — тут незаурядный талант нужен». План

Шишиги — через Вику, дочь директора, — к звездам:

«Георгий Васильевич, а особенности будущая теща, не захотят (что снажут знаемые?), чтоб их зять век простоял за кульманом. Подсадят — с такими-то связями! А Виктория — что ж, Виктория, она волнуется, она действительно нравиться, а перестанет волновать — будут другие «винтории»...»

его история должна дойти до закономерного конца.

Всей логикой своего произведения В. Дрозд с позиций коммунистической морали воюет с явлениями, затягивающими человека в болото бездуховности. Его повесть — это сатира-предостережение и наивным, и равнодушным, и агрессивным, и тем, кто не отличает имитаторов активности от людей истинно деятельных, заинтересованных в результатах труда — от карьеристов, сильных духом — от энергичных лозцов «своего счастья».

Шишига-человек, Шишига-волк в повести В. Дрозда — интересное и примечательное художественное и этическое явление. Вначале казалось: хорошо, если бы вместо коротенького упоминания о матери Шишиги, мечтавшей видеть своего сына только начальником, автор подробно и основательно проследил бы истоки характера этого карьериста-хищника: откуда они,

«...суета смышленного человека при директоре — хотя бы крохотное, но значение, вот что было нужно...» Далее появляются иронические нотки: «...Адъютантская причастность и сиянию, пусть чужому и отраженному, причастность к власти и к суе людзей (к их расталкиванию туда-сюда, в союзе с желанием принять нужных и отмахнуться от назойливо-бесполезных) — все это было не только сутью его, Родионцева, и страстью, но и как бы ответом, почему он в жизни этой, в сущности, недолгой, лишь пересчитывает какие-то заурядные сметы...» И, наконец, беспощадная автохарактеристика: он, Митя, «отставленный шут», «оступившийся прилипала». Обида толкает его на «бунт» — Митя напивается и, наверное, проведет ночь в вытрезвителе. Что ж, конец вполне логичный. А что дальше? Сопьется овца или смиренно будет продолжать складывать постылые цифры? Как бы там ни было но ее поезд ушел.

Ведущий голос в рассказе В. Маканина — исповедующийся Родионцев, вторит ему Вика — тоже овца-прилипала и тоже «отставленная» по воле всесильной секретарши, барственно играющей людьми.

и не завоеватель: живет на обычную зарплату, в небольшой квартирке, не мечтает о руководящих постах. В. Маканин не издевается над своим персонажем, не сердится — он демонстрирует болезнь, которая не позволяет человеку встать на ноги, чтоб нормально ходить, думать, чувствовать. Правда, «анамнез» этой болезни грешит объективизмом, похвальным лишь в медицинской практике. Уж не посочувствовать ли заболевшей «овце», хотя делать этого никак не хочется.

И стилистика названных произведений различна. Если у В. Маканина доминируют бытовая достоверность, точная деталь и даже непричесанная фраза, передающая неуверенность, сумятицу в душе отставного неудачника, то В. Дрозд обыденное, реальное смело соединяет с фантастическим, а для речевой характеристики героев отбирает «крылатые» мецанские словечки и афоризмы.

Ну, а само превращение человека в волка? В принципе подобный художественный прием вполне оправдан. Фантазмагория, укрупняя показ аморальности, делает ее еще более отвратительной, четче выявляет социальную опасность этого явления (сошлюсь на будто бы далекую литературную аналогию: Лукаш, герой «Лесной песни» Леси Украинки, который изменил творческому началу в своей душе и попал в ловушку мещанства, блуждая в лесных дебрях, тоже начинает выть волком). Истоки этого образа — в устном народном творчестве. Но в данном случае — побольше бы пластики, подальше от грани, за которой утрата чувств художественной меры. Еще чуть-чуть... и захотелось бы сказать сакраментальное: автор пугает, а мне не страшно.

С автором «Одинокого волка» можно спорить и по поводу педальирования отдельных словечек, ситуаций, в чем проявляется определенное недоверие к «догадливости» читателя. Можно усомниться и в достоверности ряда мотивировок поведения положительных персонажей, иногда слишком нейтрального (а может, в этом как раз и заключена причина «процветания» шишиг, аглай и родионцевых?). Во всяком случае, пафос обоих произведений определен: агрессивные «волки» и покорные «овечки» обречены на саморазоблачение и одиночество. Их, индивидуалистов и приспособленцев, отрицает неумолимая логика нашей жизни.

В. ФАЩЕНКО
ОДЕССА

«ВОЛКИ» И «ОВЦЫ» БЕЗ МАСКИ

Изменчивый лик мещанства

Но тут получилась маленькая «накладочка». Если из тебя выходит человеческая душа, то ее место занимает нечто иное. Догадываешься, что по ночам он становится волком (следы от когтей на двери не исчезали и утром!). Шишига, которого неосознанная сила заставляет уже и днем «оскаливаться» и «клацать зубами», начинает ловко маскировать свою личину. Он похож и не похож на Ярчука из известной сатирической комедии И. Микитенко «Соло на флейте». Похож волчьей сутью, но не так прямолинеен в средствах. Он на глазах «линяет», то играя под «своего» парня, то изображая загадочную личность, наивного школьника, ловкого администратора (чего стоит его предложение посадить сотрудников друг к другу спинами, чтоб меньше болтали!).

В. Дрозд изобретателен и остроумен, высмеивая своего героя (вернее — антигероя). Его Шишига пальцами... лепит выражение лица, придавая ему то энергичность, то элегическую грусть. Приходится вернуться — ведь на дворе XX век, и мрачные сказки в наши дни не проходят. Да и люди, которые его окружают, далеко не Красные Шапочки.

В повести действуют не только современные растиньки, но и честные, благородные люди. Шишиге активно противостоит заместитель директора Прагника, нутром не приемлющий всякую возню вокруг настоящего дела, Великий Механик, мечтающий о глобальных преобразованиях в науке, его симпатичная жена Лелька. Конечно, они не то, что за трое суток, а за несколько часов могли бы разоблачить оборотня-Шишигу. Но у жанра сатирической повести свои законы. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... В том-то и штука, что человек-волк должен саморазоблачиться,

какие люди и обстоятельства заложили в его подсознании зло, презрение к порядочности, к чистой народной морали? Ведь не только деревня поставила городу мещан, моральное уродство со временем произрастало и на асфальте. Частнособственническая психология живуча. Сферы человеческой психики и морали развиваются не всегда гармонично. Говоря словами Довженко, встречаются индивиду с мозгом инженера и совестью клопа.

Но, наверное, небольшому по размерам произведению проблема «истоков» эгоизма не «очень-то» доступна. Во всяком случае, подробное исследование путей формирования характера — удел романа, а не сатирической повести. Последняя обнаруживает зло и беспощадно бьет по нему смехом и гневом (вот хотя бы одна деталь: Шишига замечает, что он — страшен, и не видит, что одновременно и смешон, скажем, в опере, когда музыка навеивает волку-театралу ароматы колбасы).

Иной тип социального «адаптанта» исследует в своем рассказе «Человек «свиты» В. Маканин («Октябрь», № 3, 1982). Это уже не замаскированный волк, а овца, на долгие годы прилипшаяся к приемной директора. Автор обратил на нее свое внимание именно тогда, в те дни и ночи, когда ей дают отставку и она начинает анализировать: за что выгнали? А выгнали не с работы, всего-то навсего из приемной, где властвует секретарь директора — «царственная» Аглая Андреевна. Это любопытнейший феномен — человек с «гнувшимся позвоночником», лучшие годы своей жизни добровольно отдавший пустой суе. Угодив в отставку, Митя проходит три стадии осмысления прожитой жизни. Сначала он скромно, но довольно уважительно определяет себя:

«Не думаю, что В. Маканин так уж сильно преувеличивает роль Аглаи в конторе (хотя гротесковость образа налицо). И в жизни встречаются люди, которые то ли из-за экономии времени, то ли ради своего душевного комфорта отдают управление в руки прилипал, из которых потом, глядишь, и волк выскочит. Не случайно же Митя заменил Санин, молодой «ночной тать».

Можно найти немало моментов внутренней переключки между «Одиноким волком» и «Человеком «свиты». Каковы бы ни были формы приспособленчества, суть его одна и та же. Устраивая свои делишки, и «волки», и «овцы» паразитируют на ближнем. Но все же личины «адаптантов» показаны авторами в разных ракурсах, и приемы их изображения различны.

В отличие от Шишиги из повести В. Дрозда «работник свиты» В. Маканина не скептик